

— Фух...

Мое расслабленное тело обрушилось, как плюшевый мишка.

В это мгновение Сислин в моих объятиях тоже тихо поднял голову. Тревога читалась в рубиново-красных глазах мальчика.

— Аннетт...

Я мягко погладила его по голове.

— Не волнуйся. Все будет хорошо, Сислин.

И я мягко улыбнулась.

* * *

Я посидела с Сислином немного, поскольку он волновался, а потом спустилась в гостиную.

«Я правда не знаю, к лучшему ли это».

Вернувшись в Сад, он сможет спать и вкусно есть.

Прежде всего, мне повезло избежать битвы сегодня. Проблема была в том, как помочь Сислину преодолеть свой страх воды всего за три дня...

«Давай поищем разные способы».

Я была уверена, что он сможет с этим справиться.

Хорошо! Нужно взбодриться.

Я исполнилась позитивной энергии и открыла дверь в гостиную. Дети, лежавшие рядом в маленьких кроватях, широко улыбнулись мне и замахали короткими ручонками.

— Аннетт!

— Сестра! Сестра, эй...

— Сегодня прохладно. Апчи!

Жульен с пушистыми светлыми волосами и большими, голубыми как озеро, глазами, чихнул и высморкался.

— А? Все потому, что вы оставляете окна открытыми. Ребята, вы так простынете. Давайте закроем окна!

— Да! — радостно ответили дети и крепко заперли окна.

Я потерла нос. Кажется, я тут стала непререкаемым авторитетом. Хм-м, как и следовало ожидать, то, что мне двенадцать, оказалось очень полезным.

Я вытерла Жульену сопливый нос и подошла к кровати Генриха.

— ...

Генрих сел лицом к стене. С угрюмым видом. Так он делал, если его что-то расстраивало. Ик, милый малыш!

— Генрих.

— ...

— Куда подевался наш добрый Генрих?

Я поискала Генриха, притворяясь, что не вижу его, хотя он точно сидел у меня перед глазами.

Я видела, как вздрагивают его щеки, как мягкие бобовые пирожные. Затем он угрюмо сказал:

— Я слышал, что тебя наказали и лишили ужина?.. Мне все равно, ем я или нет.

Когда кого-то наказывают, то об этом пишут на доске объявлений. Кажется, он уже прочел.

Там, куда показывал Генрих, лежал мягкий хлеб.

У-у...

Когда я увидела хлеб, то поняла, что очень-очень проголодалась. Казалось, будто он растаял во

рту, когда я откусила большой кусок.

— Он такой вкусный, Генрих.

— Если бы я знал, что тебе понравится, я бы пригрозил булочнику, что убью его, и своровал бы больше.

— Ах. Нельзя делать такие гадости!

— Дай мне поспать. Я устал.

Когда я попыталась отругать Генриха, он быстро переменял свое отношение и стал скулить.

Я доела хлеб кусочек за кусочком и укрыла Генриха одеялом до груди, когда он лег в кровать. Затем я похлопала его по груди.

Словно котенок, нежащийся от прикосновения хозяина, Генрих быстро стал послушно смотреть своими фиолетовыми глазами. В такие моменты он просто ангелочек.

У меня на какое-то время сердце размякло, как пудинг, и я задала вопрос, который все это время не покидал меня.

— Генрих, будь со мной честен. О комнате с Сислином рассказал ты?.. О том убежище. Только мы знали о Сислине.

— Что? Глупости!

Генрих выпучил глаза, как непослушный котенок.

— Но сестра терпеть не может плохих детей?

Я четко видела в коридоре у убежища тень ребенка. Если это был не Генрих, кто тогда туда приходил?

«Что, черт возьми, это такое было?»

Я подозрительно оглядела гостиную. Однако невозможно было определить, какой именно ребенок там был.

...Тут не было детей, которым я не нравилась.

Продолжит ли он вмешиваться в наши планы?

Я должна была как можно скорее избавить Сислина от страха воды, вернуть его в Сад и подружить с Генрихом. Все это было необходимо, чтобы мой любимчик Генрих и Сислин, который стал мне дорог, жили в будущем счастливо.

Все ради их будущего. Даже если кто-то попытается помешать, я ни за что не остановлюсь.

«У них сложилось плохое впечатление друг о друге, но такова детская природа: если они будут часто играть вместе, то сблизятся».

Конечно, Генрих оказался более ревнивым, чем я ожидала, но выход был.

Ткнув Генриха в плечо указательным пальцем, я сказала:

— Генрих, ты нравишься мне больше всех на свете. Ты ведь об этом знаешь?

Это была операция «мама родила младшего братика, но все равно тебя любит»!

Когда я с невинным видом улыбнулась, щеки Генриха тут же стали красными, как сливы.

— !

Угрюмый взгляд Генриха смягчился, и он зажмурился.

— Хм.

Затем он сурово сказал:

— Конечно.

Мне следовало выслушать, что он сказал потом, но я не очень хорошо разобрала, потому что он лежал лицом вниз.

— Я тоже люблю тебя больше всех, — этот шепот был таким тихим и ласковым. — ...Так что тебя никто не отберет.

* * *

На следующий день.

Утром я кое-что придумала и прибежала в комнату Сислина. Это я приготовила, чтобы разобраться с его страхом воды.

— Вуаля!

Это был розовый брусок с кольцом на конце.

Сислин, тупо уставившись на брусок, спросил:

— Аннетт... Что это?

<http://tl.rulate.ru/book/80642/2551529>